

ДВЕ МОНОПЬЕСЫ

Во всем виноваты актеры

*Перед публикой появляется симпатичный молодой человек
лет двадцати восьми в современной одежде.*

Молодой человек. Я — Гамлет, принц датский. Вас удивляет мой современный облик? Но я Гамлет XXI века, далекий потомок легендарного Гамлета по боковой линии.

В современном мире монархи и члены королевской семьи ведут совсем иной образ жизни, чем в минувшие эпохи. Мы работаем и тем самым вносим посильный вклад в укрепление экономики и обороноспособности наших стран.

Я вхожу в совет директоров крупной компании, которую возглавляет мой дядя король Клавдий. Мое хорошее английское образование позволяет с достаточной компетентностью общаться с серьезными учеными и инженерами, которые разрабатывают новейшие технологии... Кое-что новое предложил компании я сам. Мои идеи были поддержаны и специалистами, и советом директоров. Так что назвать меня рефлектирующим инфантом никак нельзя...

Вокруг нашей семьи постоянно витают легенды. Отблески прошлого то и дело вспыхивают в воспаленном сознании обывателей, начитавшихся и насмотревшихся Шекспира. Да, наша семья и наше окружение в какой-то степени напоминают тех далеких предков, о которых писал сэр Уильям. Но время другое, и мы уже давно другие.

Про дядю говорили когда-то, будто он виновен в смерти моего отца... Мой отец, его старший брат, был крепким мужчиной, отличным спортсменом. То, что в расцвете лет он умер от инсульта прямо у себя в кабинете, многих ошеломило. Пятна на лице... Некоторым они показались подозрительными. Стали говорить об искусном отравлении... Однако вскрытие отвергло эти подозрения.

Потом общественное мнение взбудоражил брак дяди, который женился на вдове брата, моей матери. Это произошло тогда, когда я стажировался в Гарварде. На церемонию бракосочетания я не прилетел. Не мог... Вернее, не хотел. Что я мог сказать новобрачным? Пожелать им семейного счастья? Смешно...

Дядя мой до этого времени не был женат. Однажды — мне было тогда четырнадцать лет, время, когда чувственность у мальчишек развита чрезвычайно, — я увидел такую сцену. Во дворце был рождественский вечер. Все поздравляли друг друга с Рождеством, близкие родственники обменивались поцелуями. Дядя подошел к моей матери, королеве Гертруде, обнял и поцеловал ее. Я наблюдал за ними... Это был не братский поцелуй. Это был поцелуй любовника, горячего любовника, — и она так же ответила ему...

На какое-то время я забыл об этом эпизоде. Но когда умер отец, и мать вышла замуж за дядю, эта сцена порой всплывает в моей памяти...

Отца уже не вернуть, а то, что мать устроила свою жизнь, — разве это плохо? Куда хуже, если бы она оставалась безутешной вдовой. Сейчас матушка живет в санатории для нервных больных. Хорошо в санатории. Дядя периодически ее навещает. Я тоже... Она часто бывает в состоянии задумчивости, которая может длиться несколько часов. Смотрит в одну точку — и молчит. И словно не замечает ничего вокруг себя... Такое вот состояние... Доктор говорит, что при ее болезни в этом нет ничего страшного.

Теперь о дяде. Руководитель он жесткий, но толковый. Ему ничего не стоит уволить любого, кто проявляет инакомыслие. Дядю за глаза называют деспотом, но большинство предпочитает терпеть его деспотизм. По крайней мере, не перечить ему. В конце концов, он хорошо платит.

Ко мне Клавдий относится по-родственному. Иногда приглашает отобедать вместе, интересуется, как идут мои дела... Недавно я обратил внимание на то, что он начал быстро стареть. Седина, брюшко, морщины... Конечно, бремя ответственности у него огромное. Король и предприниматель в одном лице — согласитесь, такое не каждый выдержит.

И еще эта Сильвия... Аппетитная итальянка, которая является его референтом и сопровождает во всех поездках. Никто не сомневается в их близких отношениях, хотя все приличия соблюдаются. А для представительских функций Сильвия очень полезна... Этакая пышечка в тесных кофточках, которые буквально распирает ее мощная грудь. Как единственный сын Гертруды, я, по идее, должен быть возмущен этой связью, но, по-моему, это глупо. Жизнь есть жизнь, а дяде только пятьдесят четыре.

Вообще, отношение мое к Клавдию сложное. Иногда я им восхищаюсь, иногда терпеть не могу... Восхищаюсь его силой и изворотливостью, умением идти напролом, его независимостью. Не люблю за откровенный цинизм, хамство, пошлость. Правда, как я уже сказал, меня это не касается. Но когда кто-то из старых сотрудников вспоминает моего отца, который был предельно корректен и доброжелателен, мне почему-то стано-

вится не по себе. Впрочем, что я могу изменить? Увы, время нынче такое, когда не до сантиментов — иначе проиграешь. Думаю, что много веков назад было то же самое. Наверное, надо с этим мириться. Так что у меня к дяде "любовь-ненависть". Это, вероятно, что-то фрейдистское. Но я Фрейда не читал. Недосуг... Да и к чему? Я не собираюсь копаться в себе, я хочу просто жить.

Это мой друг Горацио постоянно весь в себе. Он постоянно в размышлениях о несовершенстве мира, о деградации человечества. Как будто раньше, до нас, не было всего того, что происходит сейчас. Горацио занимается спиритизмом: духов вызывает. Я ко всему этому отношусь спокойно. Хотя из-за Горацио один дух меня периодически терзает... И зовут его... Впрочем, об этом потом. Дядю моего наверняка никакие духи не терзают. Боятся.

Моя личная жизнь... Уже два года, как мы живем с Офелией. Она хорошая девочка, спокойная, тихая, ласковая. Кажется, она меня любит, и кажется, я ее тоже люблю. Когда-то она нравилась Розенкранцу, и Гильденстерну тоже нравилась... Но она отвергла их ухаживания, хотя оба парня вполне заслуживают внимания. Они умеют жить... Дядя это сразу понял и отправил их в Англию. Там Гильденстерн и Розенкранц успешно работают в филиале нашей фирмы.

Офелия нежна. У нее на редкость теплый взгляд и мраморная кожа. С ней я забываю обо всем. По-моему, она не претендует на то, чтобы владеть мною безраздельно. Все-таки я принц... Но если честно, меня не интересуют другие женщины. И вероятно, в конце концов, я женюсь на Офелии.

Вот кого я не люблю — так это ее папашу Полония. Он в нашей компании отвечает за внутреннюю безопасность. Я понимаю, что по роду службы ему положено во все совать свой нос. Но не настолько же!.. Кроме того, он — редкий доносчик и доносит скорее по любви к этому искусству, чем по службе. Даже дядю порой раздражает его фискальство.

Ко мне Полоний относится, с одной стороны, с почтением — принц как-никак! — а с другой, со скрытой неприязнью. Впрочем, здесь я могу его понять: отец все же, и к тому же, человек старых взглядов. Сожительство дочери с таким типом, как я, не приносит ему радости, но здесь ему придется терпеть... Так же, как он терпит фортели своего сыночка Лаэрта.

С Лаэртом мы выросли. В детстве у него было прозвище Лягушонок, потому что он очень смешно прыгал. Так попрыгунчиком и остался... Вечный студент, гуляка. Живет в Париже, ничего не делает и постоянно про-

сит у отца денег... А вообще он парень неплохой, веселый. Иногда я ему завидую. Он радуется жизни, а большинство из нас ее проживает...

Вот, собственно говоря, все о нашей семье и ее окружении. Но я не сказал о главном: о проклятии. Проклятие заключается в том, что наши имена стали нарицательными. Нас отождествляют с персонажами трагедии, которую сочинил Уильям Шекспир четыреста лет назад, хотя мы, живущие в Эльсиноре сейчас, совсем другие.

А виноваты во всем актеры!.. Они настолько любят эту пьесу, что считают счастьем для себя играть в ней. Они наслаждаются страданиями и страстями четырехвековой давности и утверждают, что это созвучно нашему времени. Актеры не хотят понимать, что мы, теперешние, вовсе не такие...

Возможно, в чем-то мы мельче тех, кто жил тогда — то ли в Средневековье то ли в эпоху Ренессанса. Но мы в чем-то и лучше: гуманнее, спокойнее, терпимее, наконец.

Могу себе представить, как отреагировал бы мир, если б я, Гамлет, принц датский, явился в дом родителей и порешил дядю, Полония, Лаэрта, отправил бы на тот свет Гильденстерна и Розенкранца, стал невольной причиной смерти матери и свел с ума Офелию!.. Меня б назвали серийным убийцей, маньяком, монстром...

Но я не такой. Я не задаюсь вопросами планетарного масштаба, не страдаю за все человечество. Я — обыкновенный принц, который со временем без всяких интриг унаследует престол и продолжит благородные традиции конституционной монархии.

Все хорошо, если бы не Он!.. Я жил спокойно до тех пор, пока Горацио не затащил меня на спиритический сеанс. Ни с того ни с сего он вызывал дух Гамлета. Того самого... И началось... Тот Гамлет приходит ко мне ночами, садится в кресло напротив кровати и смотрит на меня своими печальными глазами. Он ничего не говорит — только смотрит... И в это время я начинаю ощущать какую-то тяжесть в сердце. Против воли я начинаю анализировать свои мысли, свои поступки. Я все больше становлюсь недовольным собой. Я чувствую, что тот Гамлет презирает меня...

Офелия мирно спит у меня на плече. Она ничего не знает о нем. Я не говорил ей... Зачем?..

Я мысленно гоню его прочь, но он презрительно улыбается и остается. Сидит до тех пор, пока я, изможденный, не впаду в забытие.

Утром я просыпаюсь с головной болью и мешками под глазами. А его — и след простыл. На кого он похож — на Пола Скофилда, Лоуренса Оли-

вье, Смоктуновского?.. А может, на меня — или, вернее, я на него? Такой же лоб, скулы, волосы... Предок мой, Гамлет!

Я прошу Горацио: "Прогони его!". А он мне: "Извини, я могу вызвать дух, но изгнать его — это не в моей власти. Сделай что-нибудь такое, что ему понравится, — и он исчезнет". А что ему может понравиться? Мои раздумья о том, чему быть, а чему не быть? Поединки со смертельным исходом? Моя собственная смерть?

Я не играю Гамлета. Я и есть Гамлет, но только другой. Другой, слышите? Я не актер, играющий принца датского и вступающий в эту роль всем своим существом. Я такой, какой есть, — и, поверьте, не самый плохой... Я предпочитаю роль зрителя, который умеет оценить хорошую постановку и хорошую игру. Аплодирую я — мне же ваших аплодисментов не надо, даже если я в чем-то их достоин. "Дальнейшее — молчанье!"

Убийца Моцарта

Гостиница в старом замке в горах Тироля. Через окно в комнату пробиваются яркие лучи угасающего летнего заката. В кресле у зажженного камина с газетой в руках сидит немолодая женщина — хозяйка замка баронесса Агнесса фон Вален. Ее лицо болезненно бледно. Взгляд устремлен в газету. Большие напольные часы гулко отбивают шесть раз: уходит еще один день 1821 года.

Агнесса. Какая низость! Они оклеветали старика, милого старика, который был так добр к нему... Антонио Сальери — убийца Моцарта! Какая нелепость! Гениев убивают неудачники, осознавшие, что их жизнь прожита впустую, либо те, кто любит гениев безответно... Вольфганга Амадея Моцарта убила я, Агнесса фон Вален. Но об этом не знает никто. А главное — это уже никому не интересно.

То, что Моцарт умер, — это счастье. Гений не должен жить слишком долго. Иначе в зрелом возрасте он услышит от вчерашних поклонников, что исчерпал себя. Ему противопоставят нового кумира. Сеньор Антонио — лучший тому пример. Ну, кто воспринимает сегодня Сальери как великого композитора? Сальери умер, когда родился Моцарт... А я родилась в одно время с Моцартом и медленно умираю через три десятилетия после его кончины. Если публично объявить о том, что я — убийца Моцарта, меня сочтут умалишенной... Впрочем, умалишенному Сальери поверили, будто он отравил Вольфганга Амадея...

Мой отец барон фон Ленау любил меня больше брата. В детстве я часто болела, всегда была худой и бледной. Зимой почти не выходила на улицу, чтобы не простудиться... Мой брат Генрих — он старше меня всего на два года — плавал, ездил верхом, охотился, мечтал стать гвардейским офицером — и стал им. Сейчас он при дворе... Меня же постоянно лечили, кутали, не давали играть с другими детьми, чтобы я не заразилась какой-нибудь опасной болезнью.

Это произошло, когда мне исполнилось восемь лет. Отец привел меня в гостиную и усадил на диван. В гостиной уже расположились два его друга и незнакомец в коричневом камзоле, по-моему — итальянец. Незнакомец рассказал о том, что слышал игру удивительного мальчика: ему восемь лет, но он музицирует как взрослый и даже сочиняет музыку. Потом незнакомец сел за клавиры и заиграл. Что это была за музыка! Я никогда не слышала ничего подобного... Это был родник с хрустально чистой водой, но этой водой нельзя было утолить жажду...

— Вам понравилось? — спросил меня незнакомец, окончив играть.

— Очень!.. А как зовут этого мальчика?

— Моцарт, — ответил он, а затем обратился к отцу: — Барон, этот вундеркинд в пятницу будет играть у архиепископа. Думаю, вам не составит труда попасть на этот концерт.

Архиепископ приходился моему отцу двоюродным дядей.

В пятницу отец взял меня с собой в архиепископский дворец. В большом зале было много людей. У клавира в центре зала стояло два канделябра. Их свет отражался в огромных венецианских зеркалах...

Когда гости заняли места, у клавира появился высокий худощавый господин. Это был отец вундеркинда. Низко поклонившись, худощавый господин сказал, что его сын сочиняет и импровизирует с двух лет, и если кому-нибудь из гостей будет угодно задать мальчику тему, то он тут же исполнит импровизацию...

Потом появился мальчик. Он очень смешно поклонился публике, подошел к клавиру... и попросил подушку, потому что пуф оказался для него слишком низким. Все заулыбались... Слуга принес подушку. Мальчик сел за инструмент и, не глядя на клавиши, заиграл... Мне показалось, что в этот момент он был где-то далеко, за пределами архиепископского дворца, в каких-то высших сферах... Его пальцы двигались, словно сами по себе, извлекая из лакированного ящика волшебные звуки.

Мне было видно его лицо. В нем не было ничего привлекательного. Обыкновенный мальчишка... И в то же время музыка, которую он творил... Она не просто очаровывала — это был голос Господа!..

Когда он окончил играть свое сочинение, мой отец подошел к клавиру и наиграл мелодию. Она была достаточно замысловата. Я бы никогда не запомнила ее с первого раза. Но Моцарт только кивнул головой и тут же, не раздумывая, повторил ее и начал импровизировать... С каждой новой вариацией мелодия усложнялась, становилась весомее, значительнее. Мне показалось, что мальчик насмехается над наивностью моего отца, который задал ему такую легкую задачу...

После концерта, который длился часа полтора, архиепископ подозвал вундеркинда и протянул ему руку. Мальчик поцеловал руку архиепископа и остановился в нерешительности.

— Как тебя зовут?

— Вольфганг Амадей, ваше преосвященство, — раздался голос отца мальчика, который в мгновение ока оказался рядом с ним.

— Благослови тебя Господь, Моцарт Амадей, — сказал архиепископ. Отец и сын поклонились и вышли.

— Пригласите Моцарта к нам, — попросила я отца, когда мы возвращались в карете домой.

— К сожалению, завтра они уезжают за границу. Но когда вернутся — непременно! — сказал отец. Однако Моцарты уехали надолго...

Через некоторое время я стала учиться музыке у доброго сеньора Ливетти. Иногда он приносил мне сочинения Вольфганга Амадея. Я наслаждалась этой музыкой, но маэстро Ливетти находил ее не более чем занятой.

Прошло несколько лет. Для меня они прошли с музыкой Моцарта. Я выросла сначала в нескладного подростка, затем во мне стали проявляться черты женственности. Временами я пыталась представить, каков Вольфганг Амадей сейчас. Мое воображение рисовало высокого стройного юношу. Мне казалось, что я вижу его глаза — серые, с поволокой... Я представляла его сильным, как мой брат Генрих, и нежным, как мой отец... Уже тогда, не отдавая отчета в своих чувствах, я любила его, моего Моцарта, но понимала, какая дистанция разделяет нас — меня, баронессу, и его, пусть даже необыкновенного музыканта.

Я ловила любое упоминание о нем. Говорили разное: одни превозносили его до небес, другие, наоборот, старались унижить...

Слушая все это, я думала о том, как тяжело жить гению. Гений — это упрек всем нам, ленивым, неповоротливым, самовлюбленным и равнодушным. Когда рассуждают о гении, редко говорят о его титаническом труде, зато на все лады разглагольствуют о том, как быстро, легко и уверенно он добивается результатов, о которых мы, грешные, даже не мечтаем...

Гений — это еще и оскорбление, которое природа наносит большинству людей, лишая их ярких талантов. Увы, я одна из них...

Прошло девять лет с тех пор, как я впервые увидела Моцарта. Из угловатой девочки-подростка я превратилась в некрасивую девушку, невесту с богатым приданым. Я стала выезжать. За мной уже ухаживали двое молодых людей, один из которых, Вальтер фон Вален, через некоторое время стал моим мужем. Наш брак был недолгим. Вальтер сорвался со скалы во время охоты в Альпах, не оставив наследников. Мы прожили с ним чуть больше года как друзья детства, испытывающие иллюзию духовной близости. На самом деле мы были равнодушны друг к другу.

После смерти Вальтера я стала еще богаче и еще несчастнее. Спасаясь от одиночества, я открыла свой дом для всех, кто желал бывать в нем.

Однажды один из моих знакомых сообщил, что в город приехал Моцарт. Уже прославленный Моцарт! Моцарт — гений! Я тут же написала ему письмо с приглашением на ближайший четверг, когда я обычно принимала гостей.

Первый вопрос, который гений задал моему секретарю, который отнес ему приглашение: "Сколько мне заплатят?". Секретарь успокоил его на этот счет, но я была уязвлена до глубины души. Гений начал с денег... Впрочем, вскоре я поняла, что неправа. Ведь я при моем состоянии могла только догадываться, что такое бедность.

Он пришел в четверг — маленький, большеголовый, некрасивый. В его облике и поведении не было ничего, что хотя бы отдаленно говорило о его исключительности. Поначалу он показался мне чересчур болтливый и хвастливый. Но когда он сел за инструмент... Чем больше он играл, тем острее я ощущала непреодолимую дистанцию между ним и собой. Я стояла на земле, а он парил в небесах и словно невзначай изредка взирал на меня — скорее из любопытства, чем с интересом...

Тонорар, который во много раз превосходил положенные за концерт суммы, заранее лежал в конверте с моим вензелем. Когда Моцарт, уже полувивший его, прощался со мной, я сказала:

— Маэстро, я бы хотела заказать вам...

— Все что угодно, баронесса, — быстро ответил он, не ожидая продолжения моей фразы.

— Все что угодно, — подтвердила я, и мы расстались.

Было поздно, но я не хотела спать. Я ходила по своему огромному дому, заставляя вздрагивать слуг, которые валились с ног от усталости. В ту ночь я сделала для себя ужасное открытие: я поняла, что люблю его. Но не той романтической девичьей любовью, которую испытывала в юности. Я люблю его... В каминах догорали дрова, в подсвечниках оплывали свечи... Меня бросало то в жар, то в холод...

А он! Назавтра я узнала, что он всю ночь провел с друзьями в кабаке, пропивая свой гонорар. Я живо представила себе, как он рассказывал о вечере в моем доме, как изображал меня и моих гостей. Уже за это одно стоило убить его!..

Начинает звучать первая часть "Реквиема" Моцарта. Темы "Реквиема" то и дело возникают во время монолога Агнессы.

Спи, Моцарт! Уже недолго осталось мне ждать встречи с тобой. Силы покидают меня, и холод, страшный могильный холод постепенно сковывает мое тело. Господь милостив: он отбирает у меня жизнь, которая давно не нужна мне. Пустую жизнь, в которой был только ты, Моцарт! Мое имя никогда и нигде не должно стоять рядом с твоим именем. Поэтому я сожгла титульный лист рукописи, где стояло посвящение мне... Я не хочу уподобиться тем женщинам, которым досталось бессмертие только потому, что их имена были связаны с гениями. Я ненавижу этих Лаур, Беатриче, о которых по смерти слагают легенды. Наверняка сложат легенду и о твоей Констанции, которая сейчас, когда ты мертв, мирно делит супружеское ложе с другим и лишь изредка, чтобы не забывали, чья она вдова, восклицает: "Бедный Моцарт! Он так рано ушел от нас!".

Твои дети как дети. Они намного счастливее тебя, Моцарт, потому что не знают каторжного труда гения. Твой "Реквием" дописан, Вольфганг Амадей... Теперь он стал твоим в полном смысле слова. Все, кто претендовал на твою дружбу и привязанность, давно успокоились. И только я, твоя убийца, безушесна...

Я знаю: бедные люди от отчаяния способны на самые низкие поступки. Они становятся завистливыми, жестокими, злыми... Я боялась, чтобы эта злоба не проявилась в тебе. Я знала, что ты нищ, как церковная

крыса, что деньги текут у тебя между пальцами, как вода... Ты писал симфонии, концерты, оперы. Ты щедро расшвыривал бриллианты, а взамен получал стертое от многолетнего употребления серебро. И еще: у тебя никогда не было настоящих друзей. До тридцати лет от этого не страдают. Но после порой их так не хватает!.. Я как никто понимаю это, потому что одиночество с завидным постоянством следует за мной, куда бы я ни направлялась...

В Вене я была свидетельницей твоего триумфа после премьеры "Свадьбы Фигаро", в Праге я обливалась слезами радости, слушая твоего "Дон Жуана", а в Зальцбурге — симфонию "Юпитер"!.. Я всегда удивлялась тому, как, несмотря на все мерзости жизни, тебе удается оставаться светлым гением.

Как ты мог полюбить эту женщину! На дочерях домохозяев женятся бедные студенты, соскучившиеся по горячим обедам. А ведь ты познакомился с Констанцией, когда уже был Моцартом! Что тебя привлекло в ней, этой пухленькой смазливой пустышке?

Впрочем, какое право я имею задавать этот вопрос? Не раз я видела из окна кареты, как светились твои глаза, когда ты шел рядом с Констанцией по улице. Ты забавлялся ею, Моцарт, как забавляются красивой игрушкой. А она забавлялась тобой, особенно когда у тебя были деньги...

Ты терялся, когда она заболела. Ты отправлял ее лечиться на курорт, а сам день и ночь работал, чтобы отдавать долги...

А она... Впрочем, не будем сплетничать. Это недостойно, когда речь идет о тебе...

Однажды накануне Рождества я проезжала мимо твоего дома. Шел мокрый снег. Дул холодный пронизывающий ветер. Ты возвращался откуда-то пешком, кутаясь в старый плащ. Я почувствовала, что тебе плохо. Наутро мои люди узнали, что издатель отказался выдать тебе аванс...

Я тут же оплатила весь тираж будущего издания, велев издателю немедленно приобрести у тебя все, что ты мог в то время передать ему... Естественно, издатель не знал, от кого получил деньги. Он охотно выполнил мое требование, и теперь твои биографы называют его "благодетелем Моцарта". Черт с ним.

Ну, а теперь о главном. Мой покойный муж оставил мне в наследство не только большое состояние, но и многочисленных родственников. По-

сколько я больше не выходила замуж, они боготворят меня, считая, что я храню верность бедному Вальтеру. Меня ставит в пример даже наш император, хотя примерного в моей судьбе мало. Среди родственников покойного мужа люди самые разные: светские столичные аристократы и провинциальные затворники, ненасытные карьеристы и самовлюбленные графоманы. К последним относится граф Франц фон Вальзег цу Штупак. Граф Вальзег еще в юные годы вообразил, что он — одаренный композитор, и мечтал прославиться, не имея на это никаких оснований. Единственным существом, которое верило в композиторское дарование графа, была его жена. Бедная Анна-Мария! Она так молодо ушла из жизни, оставив своего бестолкового мужа, что называется, без руля и ветрил. К годовщине ее смерти Вальзег решил сочинить реквием. Я обескуражила его, сказав, что посредственная музыка, которую он способен сочинить, будет оскорблением памяти Анны-Марии. Вальзег загрузил. И тут меня осенило!

— Вы можете заказать реквием Моцарту, граф! Не поскупитесь — и вы получите мессу, достойную вашей супруги.

— Но я хочу это сделать сам! — возразил Вальзег.

— Вы можете купить у Моцарта права на реквием, — сказала я и увидела, что подала ему прекрасную идею. Граф немедленно послал своего управляющего Лойтлиба к Моцарту с авансом за будущее произведение.

И вот тут начало моего преступления. Моцарт уже был болен... Серьезно болен. Приняв большой заказ, который предстояло выполнить в сжатые сроки, он рисковал жизнью. Но об этом я узнала после... Первым моим побуждением было сделать все возможное, чтобы граф Вальзег отказался от своего заказа. Но я тут же подумала, что это не спасет Моцарта. В поисках заработка он возьмется за другую работу, которая вместо нескольких тысяч принесет ему гроши, жалкие гроши... Ночами он так же будет сидеть за столом, швыряя на пол исписанные листы нотной бумаги. Чтобы превозмочь внутренний озноб, он будет пить глинтвейн и снова писать, писать... Разве я одна сумею заменить Моцарту человечество, которое пока еще так мало знает о нем и уважительно отзывается только о покойниках? Так, может быть, смерть — единственное благо для него?

Моцарт писал свой реквием. Силы быстро покидали его. Я чувствовала это, но не представляла, что его кончина уже так близка...

Первого декабря по совету врачей я уехала из Вены в Италию. В Риме, в доме русского князя Голицына, кто-то невзначай произнес:

— Знаете, Моцарт умер...

Когда я очнулась, возле меня суетились дамы. Послали за доктором. Всем было известно о моем нездоровье, поэтому никто не связал мой обморок с именем Моцарта.

На следующий день я выехала из Италии. Приехав домой, я тут же направилась на кладбище... Погода была морозной и пасмурной. На том месте, где, как мне сказали, он похоронен, не было ничего, кроме большого креста. Обыкновенная братская могила для бедных. Говорили, что даже жена не проводила его в последний путь.

Я стала на колени. Дрожь пробирала мое тело. Сердце вылетало из груди. Я просила у него прощения. Я была уверена, что он слышит меня. Я ожидала какого-то знака, но его не было. Только холодный ветер... И вдруг на какое-то мгновение мелькнул солнечный луч... Неужели услышал? Но простил ли он мне свою смерть?..

Звучат последние такты "Реквиема".

